

Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

IX Международный конгресс антропологов и этнографов проходил с 1 по 8 сентября 1973 г. в Чикаго. Он собрался на этот раз в соответствии с новым уставом через пять лет после VIII МКАЭН, состоявшегося в сентябре 1968 г. в Токио и Киото. В Чикагском конгрессе приняли участие около 3 тыс. человек, представляющих более чем 100 стран. По сравнению с предыдущими конгрессами это был самый многочисленный форум ученых.

Подавляющее большинство участников конгресса составляли, естественно, ученые Американского континента, в первую очередь США. Довольно широко были представлены на конгрессе исследователи из стран Азии и Африки, в частности, весьма активное участие в нем принимали делегации Индии, Японии, Алжира и Нигерии. Западноевропейские делегатов было сравнительно немного: отдельные исследователи из Англии, Франции, ФРГ, Италии, Греции, Скандинавских стран. Характерной особенностью делегаций США и западноевропейских государств было преобладание в них молодых ученых.

Советская делегация состояла из 33 человек. В нее наряду с учеными Москвы и Ленинграда входили представители Украины, республик Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Прибалтики. Помимо этнографов и антропологов, делегация включала фольклористов, археологов, историков и философов.

Из европейских социалистических стран наиболее многочисленные делегации (пять-семь человек) направили Румыния, Польша и Югославия; по три-четыре представителя было от Венгрии и Чехословакии.

В целом атмосфера, в которой оказалась наша делегация на конгрессе, может быть охарактеризована как доброжелательная. В этом, несомненно, сказалась та общая разрядка международной напряженности, которая произошла в последнее время, прежде всего в результате визита в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Вместе с тем в работе конгресса давала себя знать острая идеологическая борьба, напряженность которой нами ощущалась на протяжении всего пребывания в США. Иногда это проявлялось в прямых выпадах в адрес советской науки, в фальсификации нашей действительности, чаще — в полемике между представителями различных научных направлений.

В научно-организационном плане Чикагский конгресс заметно отличался от предыдущих международных конгрессов антропологических и этнологических наук. Прежде всего не были заранее (обычно это делалось за два года до начала конгресса) определены его тематические подразделения (секции, симпозиумы). По идее президента конгресса проф. Сола Такса, профиль этого научного форума должен был стихийно сформироваться на основе заявок на доклады. Было заявлено и опубликовано

но¹ свыше 2 тыс. докладов (в том числе 150 советских), причем заявки на них принимались чуть ли не до дня открытия конгресса. В результате до самого последнего момента происходили изменения в структуре конгресса — наименованиях и числе его тематических секций. В конечном счете было выделено 105 тем для секционных заседаний.

В соответствии с предложением организаторов конгресса, доклады на нем не зачитывались, а лишь обсуждались. Иначе говоря, все время отводилось на дискуссии. И в этом отношении конгресс был экспериментальным. Эксперимент в основном удался. В четырех залах Хилтон-отеля, где проходил конгресс, в течение шести дней шли параллельные заседания, посвященные обсуждению секционных тем; на дискуссию по теме отводилось от одного до трех часов. Впрочем, секционные заседания были организованы далеко не одинаково. В одних случаях после вступительного слова председателя секции и коротких выступлений двух-трех основных докладчиков начиналась дискуссия с участием всех желающих; в других — заседание фактически сводилось к выступлениям (притом неоднократным) нескольких членов президиума секции, так сказать, экспертов, а для остальных присутствующих почти не оставалось времени. Не обошлось и без некоторых организационных трудностей. В частности, относительно того, какие конкретно доклады входят в каждую секцию, стало известно только перед самым конгрессом. К тому же предварительно была получена небольшая часть текстов докладов, и наши делегаты должны были готовиться к участию в их обсуждении на основании тезисов.

Несмотря на все эти трудности, советская делегация сумела принять самое активное участие в работе конгресса. Об этом достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что члены нашей делегации выступили в общей сложности более ста раз, т. е. в среднем по три раза, непосредственно участвуя по крайней мере в 85 секциях.

Открытие конгресса состоялось 1 сентября в 14 часов в зале городского театра. С краткой речью выступил президент Конгресса проф. Сол Такс, предоставивший затем слово для выступлений представителям тех стран, в которых проходили предшествующие конгрессы, в том числе руководителю советской делегации Ю. В. Бромлею. От имени индейцев Северной Америки собравшихся приветствовал Вайн Делория, этнограф индейского происхождения. Все остальное время было посвящено организационно-техническим вопросам предстоящей работы конгресса и информации о многонациональном составе населения и достопримечательностях Чикаго.

Секционные заседания проходили со 2 по 7 сентября. На рассмотрение конгресса был вынесен не только весьма разнообразный, но и чрезвычайно широкий круг проблем: хронологически — от становления человека и человеческого общества до вопросов прогнозирования будущего человечества, в пространственном же плане — весь земной шар. При этом рассматривались не только вопросы, относящиеся непосредственно к физической антропологии и этнографии в нашем понимании этих дисциплин, но практически все аспекты жизни человечества: биологические, медицинские, экономические, социальные, культурные, языковые, этнические, психологические. Этому немало способствовала уже упоминавшаяся стихийность в формировании профиля конгресса. Но главная причина — в характерной для англоязычных стран трактовке самого термина антропология, в соответствии с которой эта научная дисциплина претендует на всестороннее изучение человека и человечества.

Одно из центральных мест на конгрессе заняли методологические проблемы. В этой связи прежде всего следует отметить выделение осо-

¹ См. тезисы докладов и структуру конгресса в кн.: «IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and résumé of contributions», Chicago, 1973.

бой секции «Проблемы и возможности марксистской этнологии». Работе этой секции предшествовал специальный предконгрессный симпозиум. Он, как и другие подобные семинары, проходил с 28 по 31 августа. К сожалению, советским ученым удалось участвовать в нем в последние два дня его работы. Главным организатором симпозиума и секции был видный американский ученый Стенли Дайамонд. Основной состав участников симпозиума — ученые США: Э. Ликок, Дж. Велтфиш, С. Бенет, М. Салинс, Б. Шольте, супруги Данны и др. Для участия в нем были приглашены французский ученый М. Годелье, итальянец Ф. Росси-Ланди; активно участвовали в симпозиуме также ученые из стран «третьего мира» (из Алжира, Пакистана, Судана, Мексики, Нигерии). На симпозиуме присутствовали ученые из Венгрии (Л. Таркани), из ФРГ (Б. Бенциг), из Дании (Ст. Рендер).

На симпозиуме было заслушано около десяти докладов по самым различным вопросам: от освещения с марксистских позиций конкретных проблем первобытности до общеметодологических проблем марксистской теории познания и соотношения ее с другими концепциями, претендующими на роль общей методологии. Например, в докладе Ст. Левина (США) «Критическая антропология: критика повседневной жизни» была сделана попытка изобразить экзистенциализм как «марксизм эпохи неокapитализма». Пожалуй, наиболее яркой была дискуссия, развернувшаяся по докладу Б. Шольте «Марксизм и структурализм». В этой дискуссии, как и в самом докладе, подверглась критике структуралистская концепция Леви-Стросса. Оспаривался не сам структурный подход к изучению конкретных явлений, а структурализм, как некая универсальная философская система, как идеалистическое течение в современной буржуазной социологии (выступления М. Салинса, С. Дайамонда, М. Годелье). С прогрессивных позиций выступили, проявив большой интерес к развитию связей с советской наукой, нигерийские этнологи И. Нзимири и О. Отите. В заседаниях симпозиума приняли активное участие советские делегаты Ю. П. Аверкиева и С. А. Арутюнов. Ю. В. Бромлей выступил с докладом «Проблемы первобытного общества в советской этнографии». Доклад вызвал оживленную дискуссию. М. Годелье поднял в связи с ним проблему азиатского способа производства и места общины в истории общества. Присутствовавшие интересовались исследованиями советских этнографов в области африканистики, американистики, а также сельской общины.

Нельзя не упомянуть и о докладе итальянского философа Ф. Росси-Ланди «Диалектика эндогамного брака», в котором он пытался трактовать эндогамные браки древнейшего в истории человечества периода дуально-родовой организации в терминах товарного хозяйства. Неправомoрность такого подхода отметили в своих выступлениях М. Салинс, С. Дайамонд и Ю. П. Аверкиева.

В заключение работы симпозиума было принято решение создать такого рода совещание через год в Европе.

Общие итоги работы симпозиума были подведены на специальной секции. Заседание это привлекло внимание многих участников конгресса и прошло очень активно. Обзор работы симпозиума сделал пакистанец Талал Асад. Затем М. Годелье в популярной форме изложил марксистское понимание производственных отношений, соотношения базиса и надстройки.

Ю. В. Бромлей в своём выступлении охарактеризовал теоретические основы марксистской этнографии, уделив особое внимание вопросу о критериях, позволяющих отграничить марксиста от немарксиста, что особенно важно, поскольку марксизм стал на Западе модой, и марксистами нередко именуют себя люди, ничего общего с ним не имеющие. В данной связи была отмечена прежде всего неправомoрность представления о марксизме как о вульгарном экономическом детерминиз-

ме. Вместе с тем было подчеркнуто значение для марксизма принципа историзма, который не следует смешивать ни с простым эволюционизмом, ни с концепцией, трактующей скачки как полные разрывы постепенности и отрицающей всякую преемственность между различными стадиями общественного развития.

Представление о том, что марксизм дает общую методологию познания — диалектический материализм, — было поддержано большинством выступавших на секции. Правда, один алжирский ученый, признавая значение марксизма для изучения урбанизированных обществ, заявил, что для анализа архаических обществ и для стран «третьего мира» он не подходит. Однако следующий же выступающий, тоже из Алжира, отверг этот тезис, подчеркнув, что марксизм применим для анализа африканской действительности. О всеобщем характере, универсальности марксистской методологии говорили и многие другие ораторы. Более того, в ряде выступлений подчеркивалось, что марксизм нужно понимать не только как теорию, но и как руководство к действию, что этнографы должны быть марксистами по своему мировоззрению и помогать борьбе угнетенных не только за пределами своей страны, но и внутри ее.

В целом же рассматриваемая секция явилась яркой и внушительной демонстрацией необычайно возросшего престижа марксизма среди ученых всех континентов, притом не только в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, но и в таких развитых государствах, как США.

Наряду с секцией по методологии марксизма, одной из важнейших методологических секций была «Антропология (этнография) сегодня и завтра». В основу обсуждения этой секционной темы была положена специальная работа профессора социальной антропологии Оксфордского университета М. Фридмана «Социальная и культурная антропология», подготовленная им для ЮНЕСКО в качестве одной из глав специального труда «Основные направления исследований в социальных и гуманитарных науках». Она была заранее разослана участникам конгресса, а перед ее обсуждением были розданы предварительные комментарии к ней, представленные рядом авторов. Эти комментарии в обобщенной форме доложил председатель секции известный американский ученый Ф. Эгган (сам М. Фридман на конгресс не приехал).

В целом в работе Фридмана сделана попытка более или менее объективной характеристики общего состояния зарубежной культурной и социальной антропологии; учтены в ней и некоторые результаты исследований советских этнографов. Однако его оценка современного состояния мировой этнографической науки сделана с позиций английской социальной антропологии и достаточно наглядно продемонстрировала те трудности, с которыми сталкиваются культурно-социальные антропологи при определении предмета своей науки. Следуя традиции, М. Фридман определяет исследовательскую зону своей науки в пределе между так называемыми «примитивными» обществами и современностью, причем в последнем случае имеется в виду изучение преимущественно малых групп. Но такое определение неизбежно влечет за собой ряд вопросов, касающихся прежде всего соотношения наименования науки и ее содержания.

Например, почему все же главное внимание социальная и культурная антропология уделяет «примитивным» обществам? Не снимает недоумений и указание Фридмана на то, что в высокоразвитых обществах антропологией изучаются главным образом малые социально-культурные группы. Разве крупные общности в современном мире (такие, как скажем, нации) не представляют собой социально-культурных единиц? Сложность ситуации, в которой оказалась социально-культурная антропология в наши дни становится особенно очевидной,

когда встает вопрос о ее соотношении со смежными дисциплинами, в первую очередь с конкретной социологией. Когда речь идет лишь об одной культурной антропологии, то обычно делается ссылка на то, что она отличается от конкретной социологии так же, как культурные явления от собственно социальных. Можно, конечно, спорить относительно такого разграничения общественных явлений, но в определенной логичности самому разграничению при этом антропологии и социологии отказать нельзя. Но если, как это имеет место в работе М. Фридмана, речь идет о социально-культурной антропологии, то в таком случае отграничить ее от социологии оказывается особенно трудным. Сами же английские ученые считают социальную антропологию частью социологии.

Совершенно по-иному решается вопрос о соотношении наименования науки с ее содержанием применительно к этнографии, этнологии. В тех случаях, когда предполагается, что объектом их изучения является этнос — народ, мы имеем полное соответствие между наименованием и содержанием науки. На все это обратил внимание присутствующих Ю. В. Бромлей, выступая по работе М. Фридмана. Э. С. Маркарян подчеркнул значение для определения предметных зон культурной и социальной антропологии разработки проблемы соотношения понятий «культурные» и «социальные» явления. Ю. П. Аверкиева отметила, что в работе М. Фридмана марксистское понимание исторического процесса неправомерно отождествляется с эволюционизмом, что в ней переоценено научное значение структурализма.

П. Карстенс из Торонтского университета, справедливо критикуя английскую социальную антропологию и приведя в качестве образца ее работу М. Фридмана, очень высоко отзывался о работах И. И. Потехина. По ним, сказал он, многие молодые африканисты учатся, эти работы помогают понять им классовую сущность африканских обществ. Представительница Бразилии В. Мартинес-Алиер, критикуя работу М. Фридмана, говорила, в частности, о тенденциозности его оценки труда Л. Г. Моргана «Древнее общество». В труде Моргана «изложена не просто хронологическая модель эволюции человечества, а дана структурная теория истории», — сказала она.

Дискуссии по труду М. Фридмана, состоявшейся в предпоследний день работы конгресса, логически предшествовала работа нескольких секций. Это такие секции, как «Общие концепции и теории в культурной антропологии» и «Текущие проблемы профессии в исторической перспективе». На первой из названных секций выступил Э. С. Маркарян со своим обоснованием концепции культуры. На секции, посвященной истории науки, выступил Ю. В. Бромлей, показавший несостоятельность утверждения одного из руководителей секции, будто советская этнография ориентируется на так называемые формальные ценности.

Значительное место в науковедческих секциях занимали заседания, посвященные вспомогательным этнографическим (антропологическим) дисциплинам. Специальные секции были посвящены таким темам, как «Антропологическая библиография», «Этнологическое музееведение», «Визуальная антропология». Кроме того, во время конгресса заседала специальная комиссия по этнографическим фильмам; в ее работе приняла участие Л. Н. Терентьева. Одновременно с секционными заседаниями ежедневно шел просмотр этнографических фильмов. Нами было представлено два фильма — «Сабантуй» и «Хевсуры».

Значительное число секций было посвящено широкому комплексу актуальных проблем современности. К ним относятся, например, «Процессы урбанизации» и «Антропологическое изучение образования». На секции по урбанизации дискуссия в основном сводилась к анализу субъективных восприятий городского образа жизни этническими группами, слабо адаптировавшимися в городе. В дискуссии приняла учас-

гие Л. М. Дробижева, подчеркнувшая необходимость видеть за субъективными изменениями, столкновениями ценностей различных групп в процессе урбанизации, их объективные причины. На секции по образованию обсуждались главным образом социальные последствия приобщения к образованию оставших в культурном развитии народов.

Одним из кульминационных моментов деятельности советской делегации явилось ее участие в работе секции «Социальные изменения в социалистическом обществе» (председатель — молодой венгерский ученый Т. Хофер). К моменту прибытия на конгресс советской делегации проведение этой секции находилось под угрозой срыва. Однако все же удалось восстановить эту секцию, сформулировать ее программу, договориться об участии в ней представителей других социалистических стран, провести специальное подготовительное совещание. Эту работу возглавила Л. Н. Терентьева, ставшая затем сопредседателем секции.

Центральное место в работе секции заняли выступления советских делегатов. Так, К. Г. Каракеев охарактеризовал процессы культурной интеграции, связанные с формированием советского народа; Л. М. Дробижева рассказала о некоторых результатах этносоциологических исследований, проводимых в нашей стране; Т. А. Жданко — о диалектике взаимосвязи традиций и инноваций в социалистической культуре народов нашей страны; И. С. Гурвич — о социальных и культурных преобразованиях за годы Советской власти у малых народов Севера, а также об участии советских этнографов в планировании социокультурного развития этих народов; Г. П. Васильева сообщила о тех коренных изменениях, которые за годы советской власти произошли в положении женщин среднеазиатских республик. Все выступления советских делегатов были заслушаны с большим вниманием, свидетельствующем об огромном интересе аудитории, состоявшей главным образом из молодых американских ученых, к жизни нашей страны. Выступления советских делегатов были дополнены информацией о достижениях других социалистических стран. Эта тема была затронута в выступлениях наших коллег из Польши, Венгрии, Чехословакии.

Тематически к рассматриваемой секции примыкают секция «Кооперативы, коллективы и национализированная индустрия», секция по аграрной проблематике, а также секция, посвященная Афро-Азиатским пустыням и степям, в программу которой было включено большинство докладов наших специалистов по Средней Азии и Кавказу.

На этих секциях выступило значительное число наших делегатов. К. Г. Каракеев, Р. Г. Кузеев, К. Ш. Шаниязов, Ю. И. Мкртумян, Ш. Д. Инал-Ипа, Д. С. Вардумян в своих выступлениях рассказали об аграрных преобразованиях и процессе коллективизации в различных районах нашей страны. Особое внимание было уделено проблеме адаптации бывших кочевников к оседлому образу жизни в условиях социализма. Этим заседанием руководила Т. А. Жданко, которая в своем вступительном слове охарактеризовала основные проблемы номадизма, исследуемые в СССР и в международном масштабе.

Проблемы социалистических преобразований были затронуты также в ряде других секций. В частности, на секциях, посвященных статусу женщины, был поднят вопрос о положении женщин в СССР. С фальсифицированными данными по этому вопросу (о характере труда женщин, оплате труда, представительстве женщин в выборных органах и т. п.) выступила Б. Розенталь из Нью-Йорка. Необоснованность ее утверждений была хорошо показана в выступлениях Л. М. Дробижевой. Особенно сильное впечатление произвели приведенные Л. М. Дробижевой данные о том, что в нашей стране уровень образования у женщин до тридцати лет сейчас выше, чем у мужчин. Это выступление вызвало одобрение присутствующих. Многие из них в беседе с советскими делегатами

осудили необъективное и ненаучное выступление Розенталь. Впрочем консервативное большинство руководства секции не дало слова для выступления по этому же вопросу второму нашему делегату — Г. П. Васильевой, которая, как уже говорилось, привела данные о положении женщин Советского Востока в другой секции.

Существенное внимание на конгрессе было уделено этнической проблематике, современным этническим процессам. Этому кругу вопросов было посвящено несколько секционных заседаний. На них зарубежные ученые в основном проявили интерес к самосознанию малых этнических групп, их стремлению к солидарности как средству самозащиты в условиях капиталистической конкуренции. Руководитель одной из секций этнического профиля, американская исследовательница Р. Холломан, особо отметила большое внимание, уделяемое советскими учеными этнической проблематике, в том числе теории этноса. Выступавшие на этой секции советские делегаты — Ю. В. Бромлей, Л. Н. Терентьева, В. Наулко, М. И. Куличенко — охарактеризовали специфику подхода советской науки к решению этнической проблематики. Их сообщения вызвали большой интерес аудитории. В дискуссии по выступлениям советских делегатов приняло участие несколько зарубежных ученых, в том числе такой известный специалист в области этнической проблематики, как проживающий сейчас в Канаде французский ученый Г. Роан-Чермак.

Характерно, что на секции, посвященной этническим проблемам в США, ученые говорили об устарелости, несостоятельности теории «котла», в котором якобы перевариваются в единый «сплав» различные этнические группы в населении США. Они подчеркивали «взрыв» национального самосознания в этих группах. Американские организаторы конгресса стремились показать многонациональный характер своей страны («плюрализм культур в США»).

На ряде секционных заседаний были рассмотрены различные культуроведческие проблемы. Значительный интерес, в частности, представляет работа секции «Естественнонаучный подход к проблемам культурной адаптации» (председатели Т. Клок, С. А. Арутюнов). Ее участники, американские ученые К. Бажема, Д. Меддокс, П. Ньюкамер, К. Рикардо и др., на конкретных примерах показали адаптивную по отношению к среде роль культурных особенностей. В докладах ясно прослеживалось стремление к сугубо материалистическому подходу к проблемам культуры, иногда приводящее, однако, к упрощенно биологизаторскому толкованию процессов развития человеческого общества. С разъяснением марксистского понимания проблем культурологии и адаптации, с показом специфики человеческих обществ по сравнению с животными выступили Э. С. Маркарян и С. А. Арутюнов, чьи выступления были встречены с большим интересом и одобрением.

Специальная секция конгресса была посвящена происхождению земледелия. В основу проходивших здесь дискуссий были положены следующие вопросы: изменения среды и происхождение земледелия, проблема однократного и множественного независимого происхождения земледелия, проблема перехода охотников-собирателей к земледелию и др.

Значительное место на конгрессе заняла языковая проблематика, рассматривавшаяся в различных аспектах: язык и человек, язык и мышление, эволюция языка, язык и внеязыковые факторы, язык в антропологии (этнологии) и т. д. В большинстве этих заседаний активное участие принял М. Н. Губогло, успешно выступивший по ряду вопросов, в частности, о методике изучения этнолингвистических вопросов в СССР.

На двух секциях рассматривались этнопсихологические проблемы. На секции «Антропология и психическое здоровье» дискуссия носила

узко специальный характер. Из выступлений на секции «Психическое единство и психологическая антропология» следует, что этнопсихологические исследования в США ведутся довольно широко, правда, как правило, на «микрогруппах» (школьный коллектив, студенческая группа, несколько соседних семей).

Ряд секционных заседаний был посвящен проблемам искусства и фольклора. На секции по визуальному искусству выступила Г. П. Васильева, рассказавшая об использовании материалов народного декоративно-прикладного искусства в качестве источника для изучения этногенеза. На заседании фольклористов в выступлении А. Дандиса (США) было особо отмечено, что современная наука о фольклоре в Западной Европе и Америке существенно отстала в теоретическом отношении от советской фольклористики. В ряде выступлений говорилось о значении и необходимости изучения современного фольклора, о его политическом и социальном звучании, подчеркивалось, что фольклор не умирает в современном, индустриальном мире, а лишь меняет форму. С большим вниманием на секциях были заслушаны выступления наших фольклористов — Е. Б. Вирсаладзе, К. А. Сихарулидзе, М. Я. Чиковани, говоривших о традициях советской фольклористики, истории изучения у нас современного фольклора, эстетических функциях фольклора, определении предмета фольклористики; в частности был подвергнут критике тезис И. Греверус (ФРГ) о том, что раз фольклористика является частью этнологии, то нет необходимости в ее особой дефиниции.

Вопросы истории религии, прежде всего ее ранних форм, обсуждались на секции «Ритуалы, культы и шаманизм». Здесь же шла речь о современном состоянии различных религиозных систем. Особое внимание было обращено на то, что шаманизм изучается главным образом с биологических и философских позиций. В этой связи выступил И. С. Гурвич, рассказавший об изучении шаманизма советскими этнографами, для которых характерен комплексный подход к этому феномену.

Проблемы первобытности были рассмотрены на ряде археологических секций. В их работе активно участвовали наши археологи П. И. Борисковский и Р. С. Васильевский. Обсуждались вопросы технологии производства каменных орудий, пути развития палеолитических культур Юго-Восточной, Восточной и Северной Азии, сходство материалов верхнепалеолитических памятников Северной Америки и Японии с аналогичными находками в Сибири. Выступления на этих секциях свидетельствовали о высоком престиже советской археологической науки за рубежом. Они показали также значительные достижения индийских и египетских археологов исследователей палеолита.

Характеризуя рассмотрение на конгрессе проблем культуры, нельзя не упомянуть о том, что не остались без внимания и вопросы, так сказать, «антикультуры». В этой связи можно упомянуть секции по антропологическому изучению алкоголизма и гашиша. Весьма своеобразной была также секция «Общинная жизнь в исторической перспективе». Доклады и выступления на этой секции были посвящены главным образом движению американской молодежи «против буржуазной культуры», назад в прошлое, «обратно к индейцам», к общинной жизни, к коммуна. Оно трактовалось как разновидность «эскапизма», бегства от цивилизации, от «бесчеловечности», крайностей индивидуализма современного капиталистического общества. Молодежь США создано до 30 тысяч самых разнообразных общин и коммун: «общей пищи» «обратно к природе», «свободы любви», сектантские коммуны. Молодые этнографы США, занятые их изучением методом «наблюдателя — участника», приходят к выводу, что в общинах и коммунах меняется индивидуалистическая психология личности, развивается сознание при-

надлежности к коллективу, чувство взаимозависимости людей. В их выступлениях, однако, далеко не всегда присутствовала достаточно критическая оценка характера и перспектив такого рода протеста против капиталистического образа жизни.

Уделив значительное внимание различным аспектам культуры, конгресс вместе с тем почти оставил в тени такую традиционную этнологическую тему, как эволюция и структура социальных институтов.

Наряду с проблемными, на конгрессе были и региональные секции: Европы; Западной, Восточной и Центральной Африки; Азиатско-африканских жарких и холодных пустынь и степей; Гималаев; Меланезии; Полинезии и Микронезии; Австралии и Тасмании; Дальнего Востока; циркумполярных областей; Северо-западной Америки; Кордильер; Мезоамерики; Анд; Амазонки. Специальная секция была посвящена проблемам экономического развития индейских общин США.

Наиболее активным участие советских ученых было в секциях по трем регионам — циркумполярному, европейскому и афро-азиатским аридным зонам. О последней из них уже шла речь выше. На секции же по проблемам циркумполярной этнографии были поставлены восемь докладов советских ученых. Активное участие приняли в работе секции Р. С. Васильевский, С. А. Арутюнов, И. С. Гурвич, С. Г. Федорова.

На первое заседание секции «Европа» был вынесен доклад чикагского историка У. Макнейла «Модели европейской истории», заранее разосланный участникам конгресса. Автор сосредоточил свое внимание главным образом на античной и средневековой истории Европы. При этом он пытался учесть различные объективные факторы, определившие ход европейской истории. Однако докладчик фактически обошел молчанием главную движущую силу социального прогресса — классовую борьбу, придавая вместе с тем чрезмерно большую роль демографическому фактору. В докладе не обошлось и без некоторой тенденциозности при освещении послеоктябрьского периода в истории нашей страны, которую он упорно именовал Россией. На все это было обращено внимание в выступлении Ю. В. Бромлея, который вместе с тем поставил вопрос о правомерности вынесения на конгресс доклада, не имеющего прямого отношения к этнографии (антропологии). С критикой доклада выступил ряд других ученых, в частности Б. Братанич (Югославия). На следующее заседание секции было вынесено обсуждение вопросов, связанных с подготовкой историко-этнографических атласов. С сообщением о ведущейся в СССР работе выступила Л. Н. Терентьева.

Значительное место на конгрессе заняли проблемы физической антропологии. Эти вопросы рассматривались на секциях, посвященных проблемам приматологии, палеоантропологии, одонтологии, роста лицевого отдела, дерматоглифики, физиологическо-морфологических вариаций адаптации, роли генетического фактора в человеческой дифференциации. Среди вопросов, обсуждавшихся на этих секциях, привлекают внимание, например, такие, как влияние экстремальных условий обитания (высокогорье, холод, тропический климат) на процессы роста у человека. В частности, было показано, что в популяциях жарких стран средний вес тела ниже, чем в популяциях, живущих в умеренном и холодном климате. Это обусловлено в данном случае более выгодной для организма реакцией, направленной на поддержание теплового баланса. Значительный интерес вызвало сообщение о роли различных факторов (социально-экономических, генетических и семейных) в процессах роста и развития. Оказалось, что сроки постнатального окостенения менее всего подвержены влиянию социально-экономических факторов. На секции дерматоглифики главное внимание было уделено эффективности использования дерматоглифического материала как важнейшего источника при морфологической характеристике человека.

Оживленные дискуссии развернулись по вопросам популяционной генетики. В работе большинства секций физической антропологии активное участие приняли наши специалисты В. П. Якимов, В. П. Алексеев, М. Г. Абдушелишвили, О. И. Исмагулов, Н. Н. Миклашевская.

Наряду с собственно научной проблематикой на конгрессе были затронуты и некоторые политические аспекты антропологических и этнологических исследований. Была даже создана секция «Политическая антропология и государство». Однако большинство выступавших на ней отмечало неопределенность предмета и метода этого направления в науке. Выступая на этой секции, Ю. П. Аверкиева кратко изложила марксистско-ленинское учение о преходящем характере классов и государства и об исторических условиях их возникновения и высказала мнение, что объектом политической антропологии должно быть, по-видимому, изучение генезиса и развития ранних форм государственности.

В специальную секцию была выделена также тема «Антропология и политика». Организаторы этой секции и ее участники — молодые этнографы США, Европы, Африки, Латинской Америки — выступили с призывом к борьбе против использования этнографии в колониалистских целях, к участию этнографов в революционной борьбе изучаемых народов. Этнографы старшего поколения из Англии (Х. Фюрер-Хаймендорф), из Индии (А. П. Сингх) и другие в своих выступлениях выражали понимание позиции молодежи, но призвали к осторожности, аргументируя это тем, что вмешательство в политику якобы может сделать невозможной плодотворную научную работу.

В данной связи следует отметить, что во время конгресса на заседаниях исполнительных органов Международного союза антропологических и этнологических наук (исполкома Союза, его Постоянного совета и Генеральной ассамблеи) был принят (причем не без борьбы) документ, осуждающий все формы этноцида и геноцида. Необходимо упомянуть также о том, что во время конгресса, но уже вне его официальных органов, активную деятельность вели антропологи и этнологи, считающие своим долгом не только изучать народы, но и помогать им в борьбе с геноцидом, этноцидом, угнетением и эксплуатацией. Они называют себя «радикальными антропологами». На специальном совещании, состоявшемся 2 сентября в одном из залов заседаний конгресса, они создали организацию «Международное движение радикальных антропологов», ставящую своей целью направить объединенные усилия антропологов и этнологов на защиту народов от эксплуатации, угнетения, этноцида и геноцида, порождаемых капиталистической системой. В своей программе эта организация призывает ученых к политическим действиям в союзе с местными борцами против империализма. Этим же целям посвящена деятельность «Международной рабочей группы по делам коренных народов мира» с секретариатом в Копенгагене.

Политические сюжеты широко дебатировались и на секционном заседании по теме «Концепция человечества». На этом заседании обсуждалась заранее разосланная участниками конгресса книга Г. Хиршфельда «Народ». Ее автор — исполнительный директор Чикагского общества по изучению человечества, президентом которого является Сол Такс. В этой книге под «народом» понимается «простонародье», говорится об извечном существовании элиты, угнетающей простонародье, в качестве образца социального прогресса приводятся США, делается ряд выпадов в адрес социалистических стран, а в заключение предлагается создать международную партию, которая бы устранила все барьеры между народами и установила бы всеобщее благоденствие на земле. Несостоятельность этой космополитической концепции была убедительно показана в выступлениях советских делегатов М. И. Куличенко и Р. Г. Кузеева.

Были затронуты на конгрессе также проблемы войны и мира. Имелась даже секция «Война: ее причины и корреляты». Проблема происхождения и социального значения войны неоднократно поднималась в наше время в западной этнографической (антропологической) науке, что вполне закономерно. Этнография на своем материале может внести свой вклад в изучение исторических корней войны и развития ее форм в связи с зарождением и развитием классового общества. Но антропологи (в том числе этнографы) Запада подходят к изучению войн с различных идеологических позиций, что нашло отражение и в заявленных на IX конгрессе докладах. В одних из них делались попытки оправдания войны трактовкой ее либо как проявления извечно присущего человеческой природе инстинкта агрессивности, либо как необходимого средства восстановления равновесия между населением и его «экологической нишей». Война трактовалась также как якобы неизбежная черта общечеловеческой культуры. Однако преобладающими на конгрессе были антивоенные настроения. Многие ученые показывали научную несостоятельность попыток оправдания войн, говорили об экономических причинах войн и об альтернативных войне способах разрешения конфликтов. О сильных антивоенных настроениях, характерных для подавляющего большинства участников конгресса, свидетельствует единогласное принятие на ассамблее Международного союза антропологических и этнологических наук обращения в ООН о создании специального международного учреждения по изучению причин войны и условий сохранения мира. Об общей антивоенной атмосфере, в которой проходил конгресс, свидетельствует даже опера, написанная по заказу организаторов конгресса. В этой опере, именуемой «Таму-таму», в символической форме очень ярко, порой даже излишне натуралистично, показаны ужасы войны во Вьетнаме.

8 сентября состоялось закрытие конгресса. С речами о единстве и многообразии человечества выступили представители Нигерии (О. Оти-то), Индии (А. Р. Сингх), СССР (С. А. Арутюнов). По теме «США — пример культурного плюрализма» выступили американец мексиканского происхождения, негритянка, два индейца. По этой теме между выступавшими возникла дискуссия о взаимоотношениях между антропологами (этнологами) развитых и отставших в своем развитии стран. В дискуссии приняла участие известная американская исследовательница М. Мид, высказавшая взгляд, что антропология едина. Последняя тема пленарного заседания — «Чикаго как город плюрализма культур». Выступая по этой теме представителей отдельных этнических групп, проживающих в Чикаго, были в целом довольно поверхностными.

Помимо научных сюжетов на заключительном заседании был рассмотрен ряд научно-организационных вопросов. Было принято несколько резолюций общего характера, в том числе уже упоминавшиеся резолюции по вопросу о войне и мире, об осуждении этноцида и геноцида.

Были также утверждены официальные органы Союза. Вопрос о них предварительно рассматривался на заседаниях Исполкома и Постоянного совета Союза, вызвав оживленные обсуждения. На должность вице-президента Союза был вновь избран В. П. Якимов. Таким образом, среди семи вице-президентов остается представителем СССР. Был продлен срок вхождения в секретариат Союза Ю. В. Бромлея. Генеральным секретарем Союза вновь избран Л. Крадер (США). На заседании исполкома была достигнута договоренность о создании у генерального секретаря постоянного вспомогательного аппарата.

По предложению индийской делегации следующий, X МКАЭН состоится в Индии в 1978 г. В соответствии с этим, президентом будущего конгресса и президентом Союза стал индийский этнограф Л. П. Видьярхти. Следующее заседание исполкома Союза, посвященное подготовке очередного конгресса, должно состояться в 1976 г. в Риме.

Что касается публикации материалов конгресса, то эту задачу взяло на себя издательство «Мутон». Однако материалы будут издаваться несколько необычно. Предполагается публиковать не стенографические отчеты о работе секций, а сборники, составленные руководителями секций, причем некоторые секционные материалы могут быть не включены и, наоборот, включены материалы (по усмотрению руководителя секции), не фигурировавшие на конгрессе. Поэтому основными официальными публикациями конгресса следует, очевидно, считать издания тезисов и отдельные оттиски докладов.

Культурно-развлекательная программа для участников конгресса состояла из посещения уже упоминавшейся оперы «Таму-таму», и концерта американской народной музыки; состоялся также вечер индейской пляски «Пау-вау». Кроме того, были организованы визиты делегатов в культурные центры живущих в Чикаго национальных меньшинств (индейцев, украинцев, армян и т. д.), экскурсия в чикагский Музей естественной истории Филда.

В целом IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук свидетельствует о развитии гуманистических, прогрессивных тенденций в мировой этнографической науке, о несомненном росте общественно-политической активности ученых.

Выступления ученых на теоретических секциях конгресса свидетельствовали о несомненном расширении влияния марксизма-ленинизма на этнографическую науку капиталистического мира.

Отрадное впечатление произвело активное участие в конгрессе ученых из стран Африки. Из их выступлений можно заключить о становлении в этих странах этнографической науки, стремящейся к самостоятельному развитию. Выступавшие на конгрессе африканские ученые, критикуя буржуазную этнографическую науку (социальную и культурную антропологию), говорили о необходимости «деколонизации» своей науки. Правда, некоторые из них с ошибочных позиций теоретического релятивизма высказывали мнение, что их наука должна быть самобытной даже в общефилософских ее основах. В этом они расходились со многими из своих коллег из развивающихся стран, подчеркивавшими всеобщее значение марксистско-ленинской теории.

Хотя проблемам этнографии индейцев Северной Америки на чикагском конгрессе было уделено сравнительно небольшое внимание, однако примечательной чертой этого конгресса было участие в нем ученых и общественных деятелей индейского происхождения, говоривших о современном положении и задачах угнетенного индейского меньшинства США. Они выступали на специальной секции, посвященной вопросам экономического развития индейцев США и на торжественных пленарных заседаниях Конгресса.

Все эти выступления говорят о новом прогрессивном явлении в развитии мировой этнографической науки — о появлении в ней групп этнографов из народов, которые до сих пор были только объектами исследований западных ученых и на изучении которых по существу сложилась сама социальная и культурная антропология Запада.

Большое впечатление произвела активность на конгрессе ученых из Югославии, Польши, Венгрии, Румынии и Чехословакии. К сожалению, на конгрессе не были представлены этнографы Болгарии и ГДР.

Проходившие во время конгресса дискуссии, обсуждения и встречи, несомненно, способствовали росту взаимопонимания между нами и нашими зарубежными коллегами, занимающими прогрессивные позиции. Вместе с тем советская делегация внесла свой вклад в конкретную критику буржуазных концепций в области антропологии и этнографии, в разоблачение фальсификаций антисоветской пропаганды.

Участие в IX МКАЭН позволило советским ученым получить обширную информацию о состоянии зарубежной науки, познакомиться со многими последними достижениями в научной деятельности наших коллег. В свою очередь, доклады и выступления советских делегатов дали участникам конгресса научно-аргументированные знания о социальных и культурных завоеваниях нашей страны, о ленинской национальной политике, о достижениях советской науки.

**THE IXth INTERNATIONAL CONGRESS OF ANTHROPOLOGICAL
AND ETHNOLOGICAL SCIENCES**

The article reviews the main themes of the Congress discussions, the structure of its work and the tendencies in the development of anthropological and ethnological sciences. it has revealed.
